

Еще неизвестный Александр Галич с дочкой Аленой.

Парижское кладбище Святой Женевиевы. Знаменитое Сен-Женевьев-де-Буа. Здесь покоятся русские. Иван Бунин, Дмитрий Мережковский, Андрей Тарковский, Александр Галич... Земля постепенно приходит в запустение. Николай Второй выкупал ее на сто лет, договор аренды закончился, и теперь аборигены "отвоевываю" территорию — все чаще среди округлых православных крестов мелькают острые углы католических. Французам простительно не знать нашу историю, это для них "terra incognita". Но даже когда мы спросили в Москве о том, кто такой Александр Галич, большинство молодых людей ответили, что это имя им ни о чем не говорит.

Шурочка Гинзбург. Александра Архангельская. Алена Галич. Единственная дочь опального поэта Александра Галича. "Антисоветника и диссидента", чьи записи на магнитофонных катушках затарили до дыр в свободололюбивые шестидесятые. Коренная москвичка. Провинциальная актриса. Она так никогда и не вышла на столичную сцену. Высочайшие не позволили.

— Ты бы заходил на чай, Саша, — интеллигентно кричит с балкона бабушка Фанни Гинзбург взерошенному молодому человеку с авоськой в руках. — Не могу. Машка срочно за яйцами послала, ей голову мыть нечем. Если не принесу вовремя — убьет. "Молодой человек" — знаменитый Александр Менакер, отец Андрея Миронова. "Машка" — его жена, Мария Миронова. — Одно из первых моих детских впечатлений. Я себя рано помню, до двух лет, — вспоминает Алена Галич. — Бабушка говорила, что Миронова мыла голову исключительно куриными желтками. Зато роскошную прическу сохранила. Волосок к волоску. Огромная пятикомнатная квартира на Малой Бронной, эдакий Ноев ковчег: здесь живут родители, бабушка и дедушка, папин брат с женой.

Мама — известная артистка Валентина Архангельская. Прелестная, свежая, по-женски легкомысленная. Глядя на нее, ни за что не поверишь, что ее родители, краснодарских большевиков, смолотили жернова первых репрессий. Она сама уцелела случайно — везучая.

Вечно куда-то спешила, вечно опаздывала. В 41-м не успела вовремя на дежурство в Театр Вахтангова, сбрасывать "зажигалки" с крыши. В здание попала бомба, и все находившиеся там погибли. Кроме нее.

Отец — подающий надежды актер, активный участник Московского театра-студии "Город на заре". Его зовут еще Александр Гинзбург, псевдоним Галич — симбиоз первых букв фамилии и имени — появится только в 48-м.

— Когда родители познакомились, папе было 23 года, маме — 20. Они играли Женю и Аркадия в спектакле "Парень из нашего города", под Ташкентом, в эвакуации. Так вошли в роль, что решили пожениться. По дороге в загс потеряли чемоданчик со всеми документами. Настоящую свадьбу справили уже в Москве. А я родилась, когда театр уже расформировали, 21 мая 1943 года. Галич мечтал о девочке, дочке: "Она должна вырасти настоящей женщиной, очаровательной и ветреной, как Шурочка из купринского "Поединка".

Но почти сразу выяснилось, что это имя малышке категорически не подходит. Характер не тот. "Мне еще повезло, что родилась девочкой. Иначе бы назвали Кузьмой, маме очень хотелось стать Кузькиной матерью". Шурочка превратилась в Алену. В шестнадцать лет по желанию матери ее официально записали как Архангельскую. Стать Галич не разрешили, хотя об этом просил отец.

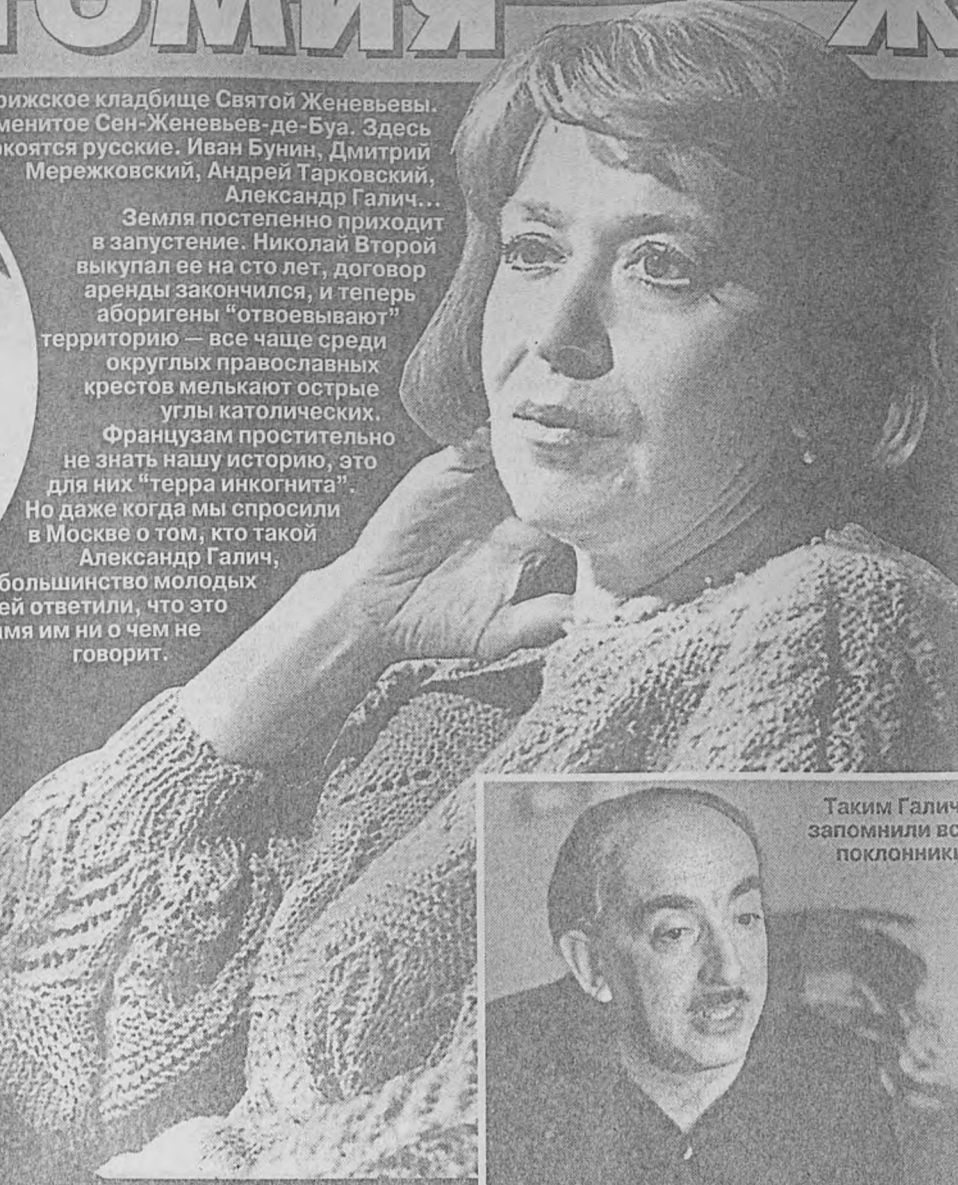
— Такое случается только в ранней юности. Когда любишь взахлеб и ругаешься "навсегда" по пять раз на дню. Родители Алены не могли долго находиться вместе. Но и врозь им было тяжело. "Странные мы с тобой, в общем, люди", — писал Александр Галич молодой жене.

В юности в Валентину Архангельскую был влюблен известный сценарист Львовский. Он посвятил ей фильм "В моей смерти прошу винить Клаву К.". Главная героиня, школьная красавица, не обращала на воздыхателя никакого внимания. Хорошенькую девочку учителя ставили петь в хоре в первом ряду — хотя у нее ни слуха, ни голоса. — Считалось, что папа любит маму гораздо сильнее. А мама взбалмошная, легкомысленная. На самом деле любовь у них была сильная и взаимная, но настоящей семьи не вышло. Они не умели уступать, — сожалеет Алена Галич.

Молодой муж завязал с актерством и начал писать пьесы. А Валентина мечтала о главных ролях, аплодисментах. Плучек звал ее в свой будущий театр, в Сатиру. Но Валя временно укатила блистать из Москвы в Иркутск. А Галич с дочкой остался дома — не отпустила бабушка. "Отец-одиночка", — подшучивали друзья.

— В три года меня привезли погостить к маме в Иркутск. Мама пропала на репетициях целыми днями. Моей нянькой стал мамин кавалер, актер Леонид Гайдай, еще совсем молоденький. Я звала его Ленечкой, вертела им как хотела. Фингал под глазом посажу, а Ленечка дрожит: что скажет Валентина? "Не бойся, я тебя не выдам!" — утешала я его. В театре Гайдай был без году неделя, а мамато — столичная прима. Ленечка влюбился в нее жестоко, безнадежно. Как на мужчину мама на него внимания особо не обращала — для нее это было невозможно, она же старше на два года. После их разрыва Ленечка не женился восемь лет, пока Гребешкову не встретил, — продолжает вспоминать Алена Галич.

О кино будущий комедиограф и не думал. "Я ни на что не променяю театр", — опротивело заявил он Валентине на последнем роковом свидании. Но вскоре, последовав ее совету, уехал в Москву учиться во ВГИК и зазвучав сердечные раны. О своей иркутской воспитаннице Гайдай не забыл. Много лет спустя Леонид Ювич пригласил Алену в "Бриллиантовую ру-

Алена ГАЛИЧ: "Поговорку "Москва слезам не верит" придумал папа"

ДОЧЬ ЗА ОТЦА

Архангельская, Гайдай и Якушев на сцене Иркутского театра. 1946 г.

ку". Хотел попробовать ее в роли коварной соблазнительницы. Они весело болтали, но серьезного предложения работать вместе так и не последовало. "Я поняла, что снимать Ленечка меня не будет. Он мне в детстве книжки с картинками дарил, какие у нас отношения режиссер-актриса, начальник-подчиненная, — смеется Алена Александровна. — И коварную соблазнительницу в итоге сыграла Светлана Светличная". "Валентина, возвращайся!" — летели в Иркутск тревожные письма. У Галича в Москве начался роман. Не слишком серьезный, но эмоциональная супруга потребовала развода. "Я чуть с ума не сошла, так кружилась голова после известия о его измене", — уже в старости делилась она своими переживаниями с дочерью. "Мы должны помириться. Хотя бы ради Алены", — умолял жену Галич. Это была его роковая ошибка. Валентина непременно оттяла, если бы он попросил сохранить семью ради них двоих. Но жить вместе исключительно для дочери она не пожелала. Много позже Алена Александровна узнала, что у матери в Иркутске тоже были тайные романы. "Это абсолютно ничего не значило", — бесхитрово парировала Валентина Дмитриевна. После расторжения брака Александр Галич ни разу в жизни не видел первую жену.

— О том, что мама тоже любила папу, мы поняли, только когда он умер. Она так переживала, так горько плакала у телефонной трубки, от нее этого никто не ожидал!

ока его письма, не дала растащить архив. Второй ее муж, актер Юрий Аверин, — фактурный, добродушный, званный в Голливуд на роль Пьера Безухова. И в жизни он был совершеннейшим героем Толстого. Понимал Валентину с полуслова, тем более оба служили в Малом.

Но иногда даже Аверин не выдерживал ее поучений и, стукнув по столу кулаком, восклицал: "Ну, хватит, заведующий советской властью!" Мать обижено уходила по длинному коридору, но в самом конце прихожей, выдержав длинную театральную паузу, разворачивалась и начинала очередной монолог.

Отношения матери и дочери тоже были сложными. Возможно, потому что Алена — точная копия бывшего мужа — слишком напоминала Валентине о былой страсти.

— Из поездки во Францию отец привез мне самые первые туфельки на очень высоких каблучках. На беду, у мамы оказался тот же размер... Обновка тут же перешла к ней. Еще мать была категорически против, чтобы я поступала на актерский, специально обзвонила театральные училища, чтобы меня нигде не приняли. "В иняз тебя возьмут без проблем", — заявила мне она и укатила на гастроли. А я пошла в ГИТИС. И переехала жить к отцу.

У Галича тогда была трехкомнатная квартира в районе метро "Аэропорт". Здесь он жил с новой супругой, Ангелиной Шекрот.

— Она идеально ему подходила. Жила только ради него. "Пусть Ангелина умрет раньше, без меня она не сможет", — говорил папа.

Раскладушку Алены поставили в комнату к дочери Ангелины Николаевны, Гале. Но большой дружки между девочками не вышло. — Очень умная, ехидная, остроумная, — рассказывает Алена о сводной сестре. — Гая была необычной. Внешне похожая на мальчишка, она и вела себя как мужчина. Сперва незаметно, но с годами все больше. Тогда это посчитали болезнью и неудачно пытались лечить, — разводил руками Алена Александровна. — Родословная моей мачехи примечательна. По матери Ангелина Николаевна из известного рода Кузьминых-Караваевых, в одну из ее теток был влюблен Александр Блок. Отец Ангелины из простых, дослужился до генерала.

"Как мне странно, что ты жена. Как мне странно, что ты жива", — писал Галич об Ангелине Шекрот. Алена молчала, но ревновала.

Александр Галич был уже весьма знаменит. Билет под номером четыре в Союзе кинематографистов. Сценарии к фильмам "Вас вызывает Таймыр", "Верные друзья", "Бегущая по волнам", "Дайте жалобную книгу". В 49-м году вышла его пьеса "Положение обязывает, или Москва слезам не верит". В названии Галич впервые использовал их любимую семейную поговорку. Но пьеса была не о любви — о вредных бюрократах.

Вероятно, фамилия Галич стала бы зеленым светом в киношно-театральном мире и для его единственной дочери.

Но приключился XX съезд партии. И угрюмые люди с чемоданчиками, наполненными страшными лагерными байками, потянулись из ссылки домой. А успешный советский кинорежиссер вдруг увидел, как "облака плывут в Абакан".

— Бардовские песни возникли в 61-м году. Папин брат Виктор вернулся из двадцатилетней ссылки. Отец очень его любил. В нашу квартиру приходили бывшие ээки, Варлам Шаламов. Их рассказы переворачивали привычное представление о мире с ног на голову. Так родился "Облака", "Ночной дозор", "Промолчи", "Мы похоронены где-то под Нарвой", о кладбище мертвых пехотинцев, на чьих костях теперь гуляет "царская охота", — говорит Алена Галич. — Я критиковала отца: "Как ты, профессионал, можешь выступать с самодельностью?" "Я пишу не песни, а стихи, которые временно притворились песнями, — пояснял он. — Все равно что петь — лишь бы слушали".

Гонения начались в 68-м году, после Новосибирского фестиваля авторской песни. Это был первый и последний публичный концерт Галича в СССР. Тут же в Союз писателей пошли гневные письма о том, что он антисоветчик.

— Сперва на выпады никто не реагировал — отец был на хорошем счету. Но летом 71-го года вся Таганка гуляла на свадьбе Вани Дыховичного. Тот женился на дочке Дмитрия Полянского, и свадьбу праздновали на его партийной даче. На торжество включили пленку с записями отца. Конечно, хорошо было свободолобным, когда у тебя есть — член Политбюро, многие любимо-москвитские актеры делали такие "выгодные" партии, поэтому и дозволялось им властью многое, — восклицает Алена Александровна. — Но возмущенный Полянский, услышав эти песни, хлопнул дверью и поставил вопрос о Галиче на самом высоком уровне.

Масла в огонь подлила и контрафактная книга стихов, вышедшая в ФРГ, в эмигрантском издательстве "Посев". В предисловии написали, что талантливый поэт-самоучка полжизни провел в сталинских застенках, слова во многих его песнях были безнадежно исковерканы.

Неудивительно, что тучи сгустились не только над Галичем, но и над его родными.

— На моей столичной театральной карьере был поставлен крест, — вспоминает Алена Александровна. — Я закончила ГИТИС, получила распределение в Театр Моссовета. Но меня объявили персона нон грата и запретили работать во всех крупных городах. Вчерашние друзья-режиссеры, которые на словах обещали помочь, на деле отвернулись первыми. Не стану называть имен — теперь это знаменитые люди, которые часто рассказывают в интервью, как боролись с режимом. Я уехала в провинцию. Там никто не спрашивал, кто мои мать и отец, там было все равно.

"В роли Нади Шевелевой актриса Алена Архангельская", — стояло на афишах. Это о пьесе "Однажды в новогоднюю ночь, или с Легким паром" по Брагинскому. Легендарная рязановская "Ирония судьбы" с Мягковым и Брыльской еще не снята.

— Эту роль я сыграла в 25 лет. Сорочка-летние коллеги-актрисы на меня ополчились: "Архангельская слишком молода для Нади. Та прямо говорит, что ей уже 32 года, а мужа все нет!" Пусть Надя говорит, что ей уже 28! — отмахнулся молодой режиссер.

В отличие от своей героини Нади Шевелевой Алена Архангельская не была старой девой. Но ее личная жизнь тоже не складывалась. Московский муж не торопился в тмударакан за женой-декабристкой.

— В декабре 71-го года папу выгнали из всех творческих союзов. Он распродал книги из домашней библиотеки. Были еще пенсия по инвалидности и средства от частных концертов. Маму эти репрессии никак не коснулись, хотя телефон у нее прослушивали долго. Бедные гбэшники — часами следят за женской болтовней!

В 74-м году Александра Галича как "последнего ученика Станиславского" пригласили в Норвегию, на международный семинар деятелей искусств. В выдаче визы ему отказали, зато вручили авиабилеты в Израиль.

Любимую собаку отца, пекинеса Сандрика, оставили в Москве, у знакомых. Несчастного пса не выпустили за границу.

Поэт стал гражданином мира. Лишенный советского подданства, Галич отказался от паспорта любой другой страны. Он гулял по блошиному рынку в Париже, который так поминал ему любимую московскую Тишинку.

В день, когда отца не стало, Алена попала в больницу с инсультом.

— Это был декабрь 77-го года. Мне чуть больше тридцати лет. Я играла в спектакле, почему-то заболело сердце и разорвало сосуды в глазу. Все друзья уже знали, что Галич умер, но боялись мне сообщить, — говорит Алена Александровна. — В гибели отца много неясного. Его ударило током в парижской квартире, когда он подключал радиоприемник. Смерть квалифицировали как "несчастный случай на производстве". Вдове Ангелине Николаевне предложили отказаться от дальнейшего расследования, в этом случае она могла рассчитывать на пенсию от радио "Свободы", где работал отец.

Последние годы поэт вел передачу, которая называлась "У микрофона Галич". Его гастроли на Западе имели большой успех. Но в Израиле Галичу не простили то, что вышел на сцену в красной рубашке и с нателным православным крестом.

Из-за этого же креста у него были проблемы на советской таможне. "Мы вас не выпустим, золото в граммах превышает норму". — "А я и не хочу лететь!"

Наконец выпустили, и поэт пошел к трапу, неся гитару, единственный груз, на поднятой руке.

— Ангелина Николаевна пережила папу ровно на девять лет. Она угорела с собачкой, тоже пекинесом, в маленькой казенной квартирке, в арабском квартале. Она выпивала в последние годы, особенно когда узнала, что ее дочь Гая трагически погибла в Москве. И однажды, как мне объяснили, Ангелина не задушила в постели сигарету. Думаю, что так могло произойти и на самом деле — вдова Галича никому не была нужна.

На прикроватной тумбочке в ее спальне сидит гномик в смешном колпаке. Старая-престарая кукла, которую подарил еще отец. Гномик верен своей хозяйке. Он единственный, кто не покинул Алену ни в горе, ни в радости.

Есть еще сын, 19-летний Пашка. Он учится на третьем курсе школы-студии МХАТ, снимается в сериалах, и фамилия у него совсем другая, не дедушкина. "У него с дедом один день рождения, в лицейский праздник, 19 октября. Все хотели, чтобы я назвала его в честь папы и самой себя третьим Александром в нашей семье. Но я отказалась: "Хватит. Боюсь".

13 лет Алена Александровна не могла получить свидетельство о смерти отца — ей постоянно выдавали идиотскую справку, что о судьбе Александра Аркадьевича Галича ничего не известно.

— Пару лет назад я собралась поменять фамилию на отцовскую, но тут серьезно заболела мама, и знакомые отсоветовали: "Как ты потом докажешь, что ты и ее дочь тоже?" — объясняет Алена Галич. — Когда мама умерла, я переехала из прежней квартиры, просто не могла там больше находиться. Так что ничего из прошлого не осталось, кроме архива, воспоминаний и еще вот этого гномика.

Она откровенно не любит "новую жизнь". Говорит, что это издевательство, а не демократия. После возвращения из театральной ссылки перебирала пыльные бумажки в Доме актера. В театр так и не устроилась.

В 89-м Алена Александровна организовала первую встречу Ельцина с избирателями в Москве. Дом актера был оцеплен, яблоку негде упасть. Сама Алена слушала будущего президента, устроившись на коленях его личного охранника.

Шальное было время. Такое же насморочное и хлопотное, как весенняя оттепель, только в воздухе пахло осенью.

— Недавно на поминках Сергея Юшенкова произошел скандал. Я спросила Черкизова: отчего в президиуме те же лица, которые когда-то осуждали моего отца? Какие правильные речи о свободе слова они сегодня толкают. Получается, у нас каждый может спокойно поменять свои убеждения, как только ветер переменится. "Вон отсюда, сука", — заорал Черкизов. Народ с любопытством молчал: подеремся или не подеремся? Я тихо, но внятно сказала: "Мразь", — повернулась и ушла. Вот они, герои наших дней.

Екатерина САХЖЕВА, Надежда АРАБИКИНА.

Моск. Комсомолец - 2003. - 22 мая. - с. 7

АВТ
ИЗВЕСТИИ
НОВОСТИ
ЭПИХИЯ